

НАМЕК КАК СПОСОБ КОСВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Одним из способов косвенного выражения смысла является намек (или намекание). А.Н. Баранов считает намек одним из способов косвенной передачи информации и одновременно приемом имплицитного речевого воздействия.

И.М. Кобозева дает следующее определение намека: «*Г оворящий (Г) намекает слушающему (С) на информацию (И) посредством текста (Т) = Г имеет намерение сообщить С некоторую И ("интенциональность"); Г использует для этого Т ("вербальность"), буквальный смысл которого не равен И ("косвенность"), потому что Г не может или не хочет выразить И буквально ("обоснованность"); Г полагает, что С может вывести И из Т ("выводимость"), причем для этого С должен проделать нетривиальные мыслительные операции ("нетривиальность")*» [2, с. 171].

Исследуя соотношения между текстом намека (Т) и передаваемой с его помощью информацией (И), И.М. Кобозева выделяет основные способы намекания, характерные для русского диалогического дискурса: намек через неопределенность («*Так радуешься, надуд кого-нибудь. А я только что здорово кого-то надуд. Кого? Посмотришь, читатель, в зеркало, благо ты зеркала любишь*»); намек через посылку («*Но если, – сказал Дарвин, – ты когда-нибудь пойдешь опять в эту скверную и дорогую кондитерскую, то знай: ты из университета вылетитишь. Эта особа может зачать от простого рукопожатия, – помни это!*»); намек через дополнительность («*Тяжело касаться этого, но брак мой несчастлив. Моя супруга сердце имеет зыбковатое, да и есть у нее привязанность на стороне, – да, легкое и холодное существо, так что не думаю, чтоб она долго плакала, если со мною... если бы я.. Однако, простите, все это очень личные печали*»); намек через иносказание («*...убийцей в нем должен был оказаться не одноногий бухгалтер; не китаец Чинг, и не женщина в красном, а сам Пимен всей криминальной летописи, сам доктор Ватсон, – чтобы Ватсон был бы, так сказать, виноватосон...*»); намек через двусмысленность («*Мое, мое, – опыты юности, любовь к бессмысленным звукам... Но вот что меня занимает: были ли у меня в то время какие-либо преступные, в кавычках, задатки?*»).

Все эти типы намека выявлены нами в произведениях В. Набокова. Рассмотрим подробнее функционирование намеков в художественном тексте и особые типы намекания, присущие художественному дискурсу.

Информация (И), сообщаемая в художественном тексте посредством текста (Т) говорящим при намеке, может быть либо эксплицирована в авторском комментарии, либо выводиться из макроконтекста. Случай, когда сообщаемая информация И эксплицируется в авторском комментарии, можно разделить на 2 группы:

1) авторский комментарий необходим читателю для понимания содержания информации И. Ср.: *«Чтобы никаких сюрпризов няне сегодня не было», – тихо сказал Кречмар дочке, намекая на какое-то недавнее преступление. Ирма улыбнулась* (при этом для персонажа информация является легко выводимой из текста); *«... и тут Иннокентий вспомнил, как Таня сказала раз подруге, намекая на его (красивые) руки, "regarde ses mains" («Посмотри на его руки» (франц.))»;*

2) авторский комментарий является факультативным, поскольку содержащаяся в тексте Т информация И может быть выведена читателем непосредственно из используемого текста на основе знания макроконтекста: *«Здравствуй, цветок, – небрежно сказала она Мартыну, намекая на его ботаническую фамилию, и сразу, отвернувшись, стала рассказывать Дарвину о вещах, которые могли бы также быть и Мартыну интересны».* Фамилия Мартына – Эдельвейс, таким образом, информация И легко выводится из буквального смысла Т слушающим (персонажем – читателем).

Однако чаще в произведениях В. Набокова косвенно передаваемый смысл определяется не из авторских комментариев, а из макроконтекста: *«А если я другого люблю? – спросила Соня с неожиданной живостью, когда он снова побрели по улице». «Вам следовало бы пожить среди другой природы, в лучах солнца, – солнце друг художников».*

Характеристика намек с точки зрения «выводимости» в некоторых случаях дается писателем в тексте произведения: *«туманно намекнул», «оскорбительно намекая».*

В произведениях В. Набокова преобладают типизированные намеки с точки зрения факторов, побуждающих говорящего к косвенному способу выражения смысла: 1) указывающие на тему (политика, криминалистика), 2) характеризующие отрицательное воздействие на адресата, 3) указывающие на цель, требующую косвенного выражения (шутливые, любовные намеки). Нетипичным намеком с точки зрения побуждения говорящего к косвенности является «текстообразующий намек», а также намек, связанный с оперированием цитатами, используемыми с целью создания своего «кода» общения, доступного посвященным.

Особый тип намеков у Набоков – «намек читателю». При таких намеках говорящим является рассказчик-персонаж, а слушающим – не другой персонаж, а читатель. Такие намеки могут быть либо шутливыми (*«А я только что*

здорово кого-то надул. Кого? Посмотришь, читатель, в зеркало, благо ты зеркала любишь»), либо «текстообразующими» (намекы Германа читателю на совершенное им преступление: «*вот что меня занимает: были ли у меня в то время какие-либо преступные, в кавычках, задатки?*»).

Как показывает анализ материала, одним из наиболее часто встречающихся намеков в произведениях Набокова является намек-аллюзия. Такие намеки требуют интертекстуального обращения к художественным текстам А. Пушкина, А. Блока, С. Есенина, А.П. Чехова. Рассмотрим намек-аллюзию в следующем фрагменте текста:

«... а есть покой и воля, давно завидная мечтается мне доля. Давно, усталый раб...».

«Пойдем, усталый раб. Мы должны сегодня раньше обедать».

«Замыслил я побег. Замыслил. Я. Побег. Тебе, пожалуй, было бы скучно, Лида, без Берлина, без пошлостей Ардалиона?».

«Ничего не скучно. Мне тоже страшно хочется куда-нибудь – солнышко, волнышки. Жить да поживать...».

«...давно завидная мечтается... Давно, усталый раб».

«Мечта. Мечтается мне доля».

Буду совершенно откровенен. Никакой особой потребности в отдыхе я не испытывал. Но последнее время так уж у нас с женой завелось: Чуть только мы оставались одни, я с тупым упорством направлял разговор в сторону «обителю чистых нег».

Фрагмент текста представляет собой намек-аллюзию на стихотворение А. Пушкина «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...». Информация И, на которую намекает говорящий слушающему посредством текста Т, неопределенна, и выведение ее из данного текста допускает вариативность. Это может быть указание на сходство в стремлениях и поведении персонажей, а также, напротив, указание на несходство семантики пушкинского текста (гуманистического, высокого, светлого) и побуждений Германа, замысла преступления, которое он также считал произведением искусства. Можно предположить и манипулятивный смысл данного намека-аллюзии. Но данный намек не обязательно должен быть прочитан: даже без интертекстуальной отсылки к произведению Пушкина этот фрагмент текста может быть понят, поскольку содержание его связывается с намерениями Германа, о которых уже шла речь. Таким образом, намек-аллюзия формирует альтернативный план понимания текста, который обогащает его содержание, но, вместе с тем, не приводит к очевидной коммуникативной неудаче, если не будет понят адресатом.

Трудность реконструкции содержания намеков-аллюзий, на наш взгляд, связана с тем, что они представляют собой «текст Т1 в тексте Т», и воспри-

ятие текста Т1 в значительной степени зависит от актуальной конфигурации элементов сознания адресата. Он может натолкнуть читателя на разные чувства, мысли, ассоциации, догадки (закономерные затруднения при исследовании художественной речи). Если текст Т обычно готовится автором художественного произведения для реконструкции читателем, и читатель способен извлечь информацию И либо из комментариев и авторских ремарок, либо из метаконтекста, то текст Т1 является неподготовленным для его интерпретации.

Литература:

1. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М., 2006.
2. Кобозева, И.М., Лауфер, Н.И. Об одном способе косвенного информирования / И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер. – Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1988. – № 5.